

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ»

Главный редактор:

Артём Соловейчик
(генеральный директор)

Коммерческая деятельность:

Константин Шмарковский
(финансовый директор)

Развитие, IT и координация проектов:

Сергей Островский
(исполнительный директор)Реклама, конференции, техническое
обеспечение Издательского дома:

Павел Кузнецов

Производство: Станислав Савельев

Административно-хозяйственное

обеспечение: Андрей Ушков

Главный художник: Иван Лукьянов

Педагогический университет:

Валерия Арсланьян (ректор)

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА:

Первое сентября – Е.Бирюкова,

ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСКОГО
ДОМА:

Английский язык – А.Громушкина,

Библиотека в школе – О.Громова,

Биология – Н.Иванова,

География – О.Коротова,

Дошкольное образование – Д.Тюттерин,

Здоровье детей – Н.Сёмина,

Информатика – С.Островский,

Искусство – М.Сартан,

История – А.Савельев,

Классное руководство

и воспитание школьников – М.Битянова,

Литература – С.Волков,

Математика – Л.Рослова,

Начальная школа – М.Соловейчик,

Немецкий язык – М.Бузоева,

Русский язык – Л.Гончар,

Спорт в школе – О.Леонтьева,

Управление школой – Е.Рачевский,

Физика – Н.Козлова,

Французский язык – Г.Чесновицкая,

Химия – О.Блохина,

Школьный психолог – И.Вачков.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ООО «ЧИСТЫЕ ПРУДЫ»

Зарегистрировано ПИ № ФС77-44340

от 22.03.11

в Министерстве РФ по делам печати

Подписано в печать: по графику 10.04.12,

фактически 10.04.12 Заказ №

Отпечатано в ОАО

«Чеховский полиграфический комбинат»

ул. Полиграфистов, д. 1, Московская область,

г. Чехов, 142300

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ул. Киевская, д. 24, Москва, 121165

Тел./факс: (499) 249-3138

Отдел рекламы: (499) 249-9870

Сайт: 1september.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПОДПИСКА:

Телефон: (499) 249-4758

E-mail: podpiska@1september.ru

Документооборот
Издательского дома «Первое сентября»
защищен антивирусной программой Dr.WebЕретики
на мачте

Получилось так, что этот номер готовился к выходу в дни заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе. Поэтому его магистральная тема оформилась сама собой. Команда словесников со всей страны, собравшаяся вокруг нашего журнала, впервые активно участвовала в подготовке и проведении олимпиады. Поэтому впечатлений у всех была масса, и они требовали выхода. Начинаем ими делиться и призываем всех, кому есть что сказать, не молчать.

В последние годы вообще все школьные олимпиады всероссийского подчинения стали делом выгодным. И для школ, и для учителей, и для детей. Отметиться победой в разных турах – значит принести дополнительные бонусные баллы и себе, и тем, кто тебя учил. Баллы эти учтут, на них сориентируются начальники во время раздачи слонов. Время такое: надо на что-то опираться при попытке понять, что такое хорошо, что такое плохо в образовании. Сейчас вот решили, что хорошо – это олимпиада. Значит, так тому и быть.

В дни олимпиады интересно было наблюдать, как несмотря на этот очевидный прагматический слой, пробивается наружу из мельчайших щелей, как травка из асфальта, живое человеческое чувство. Как забывается цель, и всех захватывает процесс. Как в этом процессе обнаруживаются всё новые стороны. Здорово знакомиться и общаться друг с другом. Здорово читать чужие тексты и писать свои. Здорово слушать других и говорить самому. Здорово открывать, узнавать, двигаться вперед. Жить здорово.

Олимпиада по литературе – пока ещё очень живое дело. Она ещё не обызвествилась, как колония кораллов, не покрылась корой, мхом, не успокоилась. Эти образы навеяны одним из олимпиадных авторов этого года Евгением Замятиным. В его статье «О литературе, революции и энтропии» есть слова, которые вспомнились мне в связи с олимпиадой: «Когда пламенно-кипящая сфера остывает, огненная магма покрывается догмой – твёрдой, остепенелой, неподвижной корой... И чтобы снова зажечь молодостью планету, нужно зажечь её огнем, нужно столкнуть её с плавного шоссе эволюции: это закон. Пусть пламя остынет завтра, послезавтра. Но кто-то должен видеть это уже сегодня и уже сегодня еретически говорить о завтра. Еретики – единственное (горькое) лекарство от энтропии человеческой мысли».

Да, олимпиада ещё жива – но процесс энтропии, к сожалению, в ней уже запущен. И именно поэтому нам сегодня нужны еретики, «матросы, посланные на мачту, откуда им видны гибнущие корабли, видны айсберги и мальстрёмы, ещё неразличимые с палубы». Нужны их «огромные, мачтовые, философские, аэроплан-ные кругозоры, нужны самые последние, самые бесстрашные «за-чем?» и «а что дальше?»»

Матросам на мачте – видней. Не надо их оттуда стаскивать. Лучше попробуем их послушать и все вместе поразмыслим над тем, куда ж нам плыть.

Сергей ВОЛКОВ

Сергей ВОЛКОВ

Дополнительные материалы
к статье см. на CD.

Олимпиада по литературе: на пути к совершеннолетию

В следующем году у Всероссийской олимпиады по литературе – совершеннолетье. Серьезный повод, чтобы поговорить о том, с какими результатами подходит она к этой рубежной дате. Открываем таким разговором очередной номер нашего журнала.

Олимпиада по литературе – большое и важное дело, в котором участвуют сотни учителей и тысячи школьников. Это и профессиональный праздник, и суровое испытание, и повод для переживаний, и путь к успеху. За годы своего существования олимпиада по литературе сформировалась, приобрела свое особое лицо, развила свои традиции.

Однако в последнее время в адрес олимпиады все чаще звучит критика со стороны профессионального сообщества (достаточно вспомнить полемику участников олимпиады и членов Центральной предметно-методической комиссии, вылившуюся на страницы нескольких номеров «Русской словесности» за 2011 год). Разработчиков олимпиады упрекают в том, что работают они замкнуто, келейно, что олимпиада стагнирует, задания повторяются, а новые формы не ищутся, что председатель ЦПМК несменяем, а подчас совмещает две должности, являясь председателем ещё и жюри, что в самой комиссии днём с огнём не найдешь людей, непосредственно работающих с живыми детьми, что многие сильные участники из регионов уезжают с низкими баллами, которые жюри объясняет невнятно, что критерии проверки работ размыты, а все попытки обсудить проблемы олимпиады наталкиваются на сопротивление.

В конце прошлого года к учителям-словесникам, руководителям региональных команд присоединились писатели и ученые-гуманитарии, озабоченные положением литературного образования в стране. Они направили в Министерство образования письмо, в котором выразили «крайнюю обеспокоенность тем, что Всероссийская олимпиада школьников по литературе в последние годы утрачивает позиции в развитии образования российских школьников».

В письме, в частности, говорилось: «В ЦПМК слабо представлены методические школы крупных культурно-образовательных центров России (9 из 10 членов – москвичи), мало представителей таких ведущих вузов страны, как МГУ, СПбГУ, практически нет учителей. Работа ЦПМК в последние годы стала кастовой. Как результат олимпиадные задания однотипны по содержанию и форме, малоинтересны, порой не соответствуют ни возрастным особенностям школьников, ни современным возможностям проведения интеллектуальных состязаний. Немало нареканий и к организации заключительного этапа. Серьезный разбор олимпиадных работ с участниками не проводится, хотя поддержка познавательного интереса ребят к филологии не менее важна, чем определение победителей олимпиады. Отсутствует и активная работа с наставниками

▲ Олимпиадцы за работой

ребят (круглые столы, лекции и т.п.), которая очень важна для профессионального роста учителей. Конструктивная критика олимпиады, которая ведётся в профессиональных изданиях, членами ЦПКМ не принимается во внимание».

Среди подписавших письмо – писатели и поэты А.Кушнер, Л.Улицкая, Д.Быков, З.Прилепин, члены РАН филологи В.Багно, В.Плунгян, знаменитый словесник Л.Соболев, ректор НИУ ВШЭ Я.Кузьминов, главный редактор журнала «Вопросы литературы» И.Шайтанов...

И Министерство образования решило в этом году попробовать. Например, сменить председателя жюри, а в состав жюри впервые ввести представителей сразу нескольких регионов: не только Москвы, но и Перми, Ижевска, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Смоленска (список членов жюри, а также всю информацию по заключительному этапу олимпиады см. на сайте олимпиады <http://olymp.hse.ru/literature/news/49904616.html>). Среди членов жюри много учителей-практиков. Кроме того, было решено предоставить право провести заключительный этап олимпиады Национальному исследовательскому университету Высшая школа экономики. Этот вуз имеет богатый опыт проведения олимпиад по общественности и по экономике. А кроме того, команда вуза – команда креативная и современная, и технологически, и идеологически. Она предложила нашей олимпиаде новые условия проведения и богатую насыщенную программу.

Заключительный этап проходил в огромном гостиничном комплексе «Олимпиец» в подмосковных Химках. Важно, что дети и жили, и писали туры в одном и том же здании, не тратя времени на переезды. Бытовые условия и питание, как отмечали участники олимпиады в анкетах, были на самом высоком уровне.

Кроме самих туров, для олимпийцев устроили несколько интересных встреч. О литературе в эпоху цифровых технологий говорил филолог, писатель, известный телеведущий Александр Архангельский, который в этом году стал председателем оргкомитета олимпиады. Большой интерес вызвала у ребят встреча с действительным членом РАН, профессо-

ром НИУ ВШЭ Аполлоном Давидсоном, который рассказывал ребятам о Серебряном веке (со многими его представителями он был знаком лично). Запомнилась встреча с писательницей Майей Кучерской, на которой шла речь о литературе будущего. Студентами и преподавателями Щукинского училища был устроен чтецкий вечер, состоялось заседание киноклуба – и, конечно же, целый день был отдан экскурсии по Москве.

Богатая программа была придумана для руководителей делегаций. Их ждали мастер-классы с ведущими педагогами-словесниками: Н.А. Шапиро, Н.Р. Ванюшевой, Н.В. Беляевой, Ю.А. Халфиним (читатели «Литературы» знают их по нашим публикациям, курсам Педагогического университета, выступлениям на марафонах). По результатам этих встреч их участники получили сертификаты о повышении квалификации.

Кроме того, во время заключительного этапа олимпиады состоялся круглый стол по перспективам олимпиадного движения. Эта тема будет обсуждаться на съезде словесников в июле, поэтому оргкомитет предложил членам ЦПКМ, жюри, руководителям региональных команд обменяться мнениями о том, какой должна быть олимпиада, и тем самым подготовить рекомендации для съезда. Тема была продолжена в рамках Дня учителя литературы на Марафоне педагогических предметов – там семинар проводили сотрудники МИОО. На двух этих заседаниях обозначились проблемы, связанные с олимпиадой. Перечислим некоторые из них.

1. Чтобы разрабатывать структуру и задания олимпиады, нужно определить, чему и зачем мы учим детей на уроках литературы (сами задания этого года см. на сайте Олимпиады и в приложении на диске). Зачем нужен в школе наш предмет? Как и во времена обсуждения стандарта, здесь сталкиваются разные позиции. Одни говорят о том, что мы должны научить детей читать и понимать текст и стоящего за ним автора – и адекватно это понимание выражать. Другим важно, чтобы литература стала средством воспитания – как правило, патриотического. Третьи толкуют название предмета «литература» как «литературоведение» – и предлагают уложить

школьный курс в твёрдые рамки науки с четкой теоретической базой. Четвёртые видят в школьной литературе повод для разговора о жизни, о душе, о чувствах. Пятые предлагают открывать на уроках творческие способности ребят, учить их писать, в том числе художественные произведения. Есть ещё и шестые, и седьмые, и восьмые... И, конечно же, встречаются самые невероятные комбинации этих подходов. Вся эта разногласица отражает реальное положение дел в наших школах.

Согласитесь, что от выбора той или иной цели зависит весь характер олимпиады. Нынешний формат больше склоняется к анализу классических произведений, практически игнорируя литературу современную, экспериментальную, игровую, переводную. В самом анализе приветствуется подход литературоведческий, понимаемый при этом как способность расчленять произведение по заранее заданному плану с использованием как можно большего количества терминов. Среди предлагаемых для анализа произведений регулярно возникают такие, в которых ставится тема личности России, её духа, пути, менталитета, что неизбежно ведёт к возникновению в детских работах патриотической риторики.

Вопрос состоит в том, нужно ли из года в год эксплуатировать этот формат или можно попробовать поискать новые его формы. Участники круглого стола предложили организовать конкурс моделей олимпиады, провести его, в частности, на страницах «Литературы» с широкой дискуссией.

2. Серьёзные споры вызывают критерии, по которым оцениваются олимпиадные сочинения. Они очень размыты. Что значит, например, такой критерий, как «глубина постижения произведения (тематики и проблематики, жанра, сюжета, героя, композиции, стиля, направления, художественной идеи, образа повествователя)»? За него можно получить 20 баллов из 50-ти при анализе прозы. Но как определить, 15 баллов ставить по этому критерию или 16? 17 или 18? Если ребенок тематику определил, а проблематику не очень, с жанром не вышло, а композицию выявил? Это хуже, чем если всё написать про направление и образ повествователя, но про композицию забыть? Как можно соотнести разные

работы по этому критерию? И как выбрать нужное количество баллов за конкретную работу?

Участники олимпиады не зря говорили, что оценка работ очень субъективна. Предложенные ЦПМК критерии на практике не работают. Поэтому так не просто бывает на апелляциях: оценка стоит – а за что и почему такая, не всегда понятно и самим членам жюри, которые проводят апелляцию. Выступающие на круглом столе предлагали разные выходы из ситуации: кто-то говорил о том, что критерии нужно дробить и конкретизировать, кто-то предлагал от них отказаться вообще. Констатируем: проблема есть – и её нужно решать.

3. С этой проблемой тесно связан вроде бы технический и внутренний, но на самом деле важный вопрос о валидности самой проверки. Олимпиада проходит в три тура. Во время каждого тура ребята пишут объёмные работы, часто по целой тетради. В этом году было 242 участника – 726 работ. Проверять их приходится в очень короткие сроки. Жюри работает практически безостановочно. Но понятно, что разные работы читают разные люди, оценки их субъективны. Как соотнести работы между собой? Как выявить лучшие? На протяжении многих лет сложилась такая практика: одну работу читает один проверяющий. Потом он предлагает лучшие свои работы на коллективное прочтение вслух. В этом году по настоянию Вышки работы стали читать два преподавателя (как на обычных экзаменах), чтобы снизить степень субъективности оценки. А дальше начиналась традиционная читка вслух, без которой, по уверениям членов жюри прошлых лет, принять коллегиальное решение невозможно. На практике такая методика определения лучших работ оказывается почти абсурдной. Попробуйте сами прослушать чтение в общей сложности двух десятков работ объёмом в тетрадь каждая (да ещё и ночью, после трудного рабочего дня). Во-первых, само чтение вслух – уже интерпретация, восприятие текста зависит даже от тембра голоса чтеца. Зачем писавшему ребенку такой посредник между его текстом и другими членами жюри? Во-вторых, соотнести между собой на слух, скажем, вторую и восьмую работы практически невозможно. На такое чтение уходит

▲ А.С. Немзер, К.М. Поливанов, О.А. Лекманов слушают участников дискуссии об Олимпиаде

▲ Майя Кучерская всматривается в контуры литературы будущего

масса драгоценных человеко-часов, а объективности в оценке не прибавляется.

Подобная практика работы жюри вызывает серьёзные сомнения. И вопросы. Правда ли, что надо требовать от детей написания таких огромных работ? Нельзя ли определить литературную подготовку ребёнка на тексте гораздо меньшего объема – и тем самым настроить его на более компактное и продуманное высказывание, а заодно и сократить нагрузку на проверяющих, чтобы сделать их работу более осмысленной? И вообще – почему олимпиаде нужно именно такое количество туров и именно так устроенных?

4. Серьёзный вопрос: кого мы хотим найти, забрасывая олимпиадную сеть в ребячьи массы? Будущих филологов? Литературоведов? Олимпиада нужна для дальнейшего профессионального самоопределения? Руководители команд говорили, что всё больше детей приходит в олимпиаду, чтобы не сдавать ЕГЭ, чтобы при поступлении в вуз получить высокий балл. Поэтому среди тех, кто участвует, например, в олимпиаде по литературе, много будущих дизайнеров, журналистов, артистов, театроведов и так далее – тем, кому не хочется сдавать ЕГЭ по литературе, а результаты его при поступлении в вуз подать надо. Нужно ли игнорировать эту ситуацию при составлении олимпиадных заданий?

5. Для того, чтобы готовить детей к олимпиадам, нужно серьёзно учить самих учителей. И навыкам анализа текста, и умению проверять олимпиадные работы и проводить отбор детей. Ведь олимпиада по литературе – одна из самых массовых. Только на региональном этапе в ней приняло участие более 8 тысяч человек. А на школьном этапе в одной лишь Москве в олимпиаде участвовало 90 тысяч человек. Всеми этими детьми надо профессионально заниматься. Участники круглого стола предложили проводить дистанционные мастер-классы по обмену опытом, разработать курсы повышения квалификации для учителей, занимающихся олимпиадами.

6. Олимпиада и ЕГЭ. Многие олимпиадные работы оказались построены по образцу части С ЕГЭ по русскому языку: определение проблемы, комментарий к ней, позиция автора, «я полностью согласен с автором в том, что...» Между тем олимпиада призвана ответить на те запросы ученика, которые игнорируются ЕГЭ, вызывать его на такую осмысленную работу, которая для ЕГЭ не нужна. У олимпиады должна быть развивающая роль в литературном образовании, се-

рьёзно пострадавшем в эпоху Единого экзамена и господства тестового подхода.

Единый экзамен во многом обезличивает сдающих. Олимпиада должна индивидуальности выявлять. Пока же, как констатировала председатель жюри Е.Н. Пенская в своём заключительном слове на разборе работ, при разных заданиях (и по параллелям, и от тура к туру) ребята демонстрируют одинаковые подходы. Основной жанр – комментированный пересказ. Основная болезнь – увлечение терминологией без её понимания, наукообразный воляпюк. «Ощущение, что меня пригласили в гости, но на пути выставили столько заборов, что я уже устала, пока добиралась до самого хозяина».

7. В последнее время олимпиада стала давать предпочтения при поступлении в вуз. Школы оцениваются по количеству победителей олимпиад (в Москве образовательным учреждениям раздаются на этом основании серьёзные гранты). Наконец, сами победители заключительного тура получают денежное вознаграждение. Все эти приятные моменты искажают саму суть олимпиады, заставляя смотреть на неё как на дело в первую очередь выгодное. В силу этого отбор детей на разных этапах олимпиады не всегда объективен, многие сильные ребята блокируются ещё на школьном и муниципальном уровне. Для подготовки к олимпиаде всё чаще используются репетиторы. Все эти вопросы тоже нужно выносить на широкое обсуждение, а планируя олимпиаду по тому или иному предмету, учитывать сложившееся положение.

Эти и другие вопросы затронуты в интервью, которые печатаются в нашем номере. Кроме того, мы призываем принять участие в обсуждении всех заинтересованных лиц. Открытость нашей трибуны гарантируем.

Фото Андрея Сердюка

▲ А.Давидсон рассказывает о своих встречах с поэтами Серебряного века

Беседовал
Сергей ВОЛКОВ

Надежда

Свободная, оригинальная письменная речь
на олимпиаде встречается нечасто...

Шапиро

Надежда Ароновна Шапиро – заведующая кафедрой словесности Центра образования №57 г. Москвы, автор многочисленных публикаций по вопросам преподавания русского языка и литературы, член жюри заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по литературе.

– Надежда Ароновна, в этом году Вы впервые принимали участие в работе жюри заключительного этапа олимпиады. Что дала Вам эта новая точка зрения на давно известный Вам процесс литературного образования? Учитель, готовящий детей к олимпиаде, воспитавший не одного призера и победителя, – и член жюри, видящий происходящее с другой стороны, – есть ли тут сюжеты?

– Прежде всего, я прочитала много работ, написанных лучшими учениками, приехавшими из самых разных мест – от Чукотки и Приморья до Калининграда, и в очередной раз обрадовалась тому, что везде есть дети, всерьёз интересующиеся литературой. При этом я ни за что не догадалась бы по работе, откуда приехал её автор. Это и отрадно – нет разделения на интеллектуалов из больших городов и простачков-провинциалов, – и огорчительно: работы во многом похожи одна на другую, создаётся впечатление, что существует какая-то унифицирующая индустрия подготовки к олимпиаде, а может, и обучения написанию сочинений. В результате я отчетливее уяснила, чему стоит настойчивее учить моих старшеклассников и чего делать совсем не надо, даже если это принято на олимпиаде.

– Зачем, с Вашей точки зрения, нужна олимпиада по литературе? Может ли она быть инструментом развития – ребёнка, учителя, всего процесса литературного образования?

– Олимпиада по литературе может принести большую пользу всему делу обучения школьников искусству понимать книги и писать о них, если, во-первых, на всех этапах школьникам будут предложены образцовые задания, трудные и интересные, во-вторых, – и тоже на всех этапах – будет организована квалифицированная проверка с последующим разбором за-

даний и, наконец, материалы олимпиады, включая лучшие работы с комментариями членов жюри, будут не просто опубликованы, а станут известны заинтересованным в них школьникам и всем учителям-словесникам.

Правда, тут есть и опасность: лучшие работы все могут счесть образцовыми, даже если они не очень хороши – так ведь тоже может случиться.

– Какие сильные стороны и какие недостатки литературного образования в стране олимпиада выявляет? Что Вам хотелось бы сказать учителям, готовящим детей к олимпиаде? Что – самим детям?

– У меня сложилось впечатление, что у нынешних школьников довольно серьёзная теоретическая база, они умеют рассуждать о хронотопе, знают, какие бывают типы сюжета и фигуры речи (правда, я думаю, это скорее результат специальной олимпиадной подготовки, а не массовое явление). Но было похоже, что даже сильные авторы боятся что-нибудь обязательное не сказать, отступить от хранящейся в их сознании таблички, каждая клетка которой должна быть заполнена. Они редко отваживались не по шаблону выстроить свое сочинение, нечасто встречалась и свободная, оригинальная письменная речь. Кажется, участники олимпиады прятались за мудрёными словами (такими, как имплицитный, имманентный, континуальный), терминами, иногда непонятными проверяющим.

Об этом мы разговаривали с учителями – руководителями команд, пока дети писали. И встретили решительные возражения некоторых коллег: они говорили, что готовят своих учеников к профессиональной деятельности, занимаются с ними по серьёзным вузовским учебникам, уверены, что их ученики понимают всё, что сами пишут. Однако не очень ясно,

с какими именно профессионалами можно общаться на этом языке. Ни один из членов жюри, включающего докторов и кандидатов филологических наук, не смог объяснить некоторые употреблённые детьми термины. Только с помощью Интернета нам удалось установить, что просаподосис – это повтор в начале и в конце речевого отрезка, а значит, именно так можно назвать повторение строчки «Возвращались солдаты с войны». Слово «просаподосис» здесь не только ничего не проясняет, но и выглядит нарочитым, претенциозным рядом с очень простыми словами стихотворения Мартынова. Оказалось, что и для обозначения простоты детям известен специальный иноязычный термин – автология (употребление в русском поэтическом произведении слов и выражений в их прямом, непосредственном значении). И анализ произведения превращается в какое-то упражнение по называнию явлений, подобие преискуранта. Работа выглядит не творческой, не исследовательской, а контрольной – демонстрирующей знание слов. И тогда уже не находится сил и желания оценить интонацию произведения, заметить иронию или простодушие...

Учителям я хотела бы посоветовать меньше ориентировать детей на формальное соответствие критериям, которые, кстати, на последнем этапе не были очень уж детализированными. Требование употреблять термины во что бы то ни стало, видимо, внедрилось в сознание учащихся благодаря подготовке к ЕГЭ по литературе, стремление непременно выяснять, какую проблему поднимает автор, – от ЕГЭ по русскому языку... Куда продуктивнее было бы помочь детям не только находить ритмические, звуковые, лексические и проч. особенности текстов, но и обдумывать всякий раз, какие новые смыслы они порождают. Дело это тонкое, типовых решений тут нет, и попытки школьников отделаться фразами о том, что четырехстопный ямб создаёт торжественное (печальное, весёлое – нужное подчеркнуть) настроение, вызывают только огорчение и досаду.

А ученикам я бы сказала, как своим говорю: в каждом хорошем произведении есть загадка, секрет, который надо разгадать; честнее иногда сознаться, что однозначного понимания у вас нет, и предложить несколько версий, чем трактовать авторский замысел категорично и безапелляционно. И еще: по большому счету каждое произведение требует особого подхода; общие схемы могут пригодиться на подготовительном этапе, как леса при строительстве. Но потом их надо решительно отбросить и создать оригинальный, яркий текст, такой, какой кроме вас никто бы не мог написать.

– Вы в течение многих лет придумываете задания по литературе для Ломоносовского турнира и проверяете работы. Олимпиада и турнир – в чём их отличия?

– Отличия существенные. Во-первых, хотя мы много лет предлагаем в качестве одного из зада-

ний сравнение двух стихотворений, как это происходит и на олимпиаде, наши задания включают много конкретных вопросов, каждый раз разных. Во-вторых, наши конкурсанты не должны писать большие связные тексты, нам важно количество верных или оригинальных мыслей. Мы не снижаем баллы за неверные или неточные ответы, а суммируем удачи. В-третьих, участники нашего конкурса не проходят никакого предварительного отбора, отвечать на наши вопросы могут все желающие. И, наконец, мы не присуждаем мест, у нас нет ограничений на количество победителей – победителей оказывается столько, сколько человек набрало заранее определенное количество баллов по выработанным критериям. А критерии разрабатываются особо для каждого задания. И публикуем мы в результате не лучшие работы, а сводные тексты, составленные из отдельных более или менее длинных удачных высказываний многих участников.

– Как бы Вы прокомментировали задания олимпиады этого года?

– Олимпиадные задания, конечно, требуют особого обсуждения. Не претендуя на полноту, рассмотрю только один пример.

Так сложилось, – можно считать это традицией, а можно – проявлением косности – что на завершающем этапе олимпиады девятиклассникам предлагают произведения, созданные в первой половине 19 века, десятиклассникам – во второй, а выпускники имеют дело с прозой и стихами, созданными в веке двадцатом. Когда я и некоторые мои коллеги увидели произведения нынешнего тура, первой реакцией было безусловное отторжение. Сказочка В.Одоевского о злых басурманах, погубивших русскую девицу и вырвавших у нее сердечко, а головку её забивших обрывками из романов Жанлис и почему-то сочинений Честерфилда, вовсе не для девиц писавшего, считали мы, спровоцирует неискушенных девятиклассников на демонстрацию безусловного патриотизма с привкусом ксенофобии – вместо анализа произведения. Мы ошиблись: несколько авторов продемонстрировали и вкус, и начитанность, и искусственность восприятия и написали хорошие работы. Они сумели увидеть в тексте Одоевского иронию, узнали гофмановские приёмы в этой русской сказке, оценили гротеск и почувствовали сложность авторского отношения к проблеме. Если считать, что основная цель олимпиадного задания – выявить лучших, то этой цели, надо признать, предложенное задание отвечает идеально. Относительно же подавляющего большинства писавших наши прогнозы, увы, оправдались. Дети в течение пяти часов упражнялись в деле не очень достойном. Какую из целей нужно признать приоритетной и возможно ли сочетать задачу жесткого отбора с пользой для всех участников – вопрос непраздный. Надо думать.

Нам есть из кого выбирать

Беседовал
Сергей ВОЛКОВ

Мы беседуем с кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником ИМЛИ РАН, доцентом кафедры филологического образования МИОО Михаилом Игоревичем Свердловым и методистом и преподавателем кафедры филологического образования МИОО, учителем высшей квалификационной категории Владимиром Владимировичем Сперантовым, готовившими олимпиадную команду Москвы. Успех этой команды впечатляет: из 12 человек победителями и призёрами стали 10.

– В чем рецепты успеха вашей команды? Какие три важные вещи не должен забывать тот, кто готовит ребят к Всероссийской олимпиаде по литературе?

М.С.: Успехи московской команды несомненны, но о рецепте этого успеха ничего сказать не могу. По-моему, всё очень просто: в Москве ещё есть сильные школы, прекрасно работающие учителя и немало талантливых школьников – так что на региональном туре есть из кого выбирать. Задача того, кто готовит команду, – не научить ребят азам филологии (они и так многое знают и умеют), а сориентировать и вдохновить. Главное в нашей работе – а) показать разные способы и приёмы анализа текста; соответственно, дискредитировать шаблоны и школьный примитив; б) обозначить основные приоритеты в борьбе за хороший слог (единство мысли, чёткая композиция, искусство связей и отбивок); в) помочь членам команды с опорными словами, рабочими терминами и по возможности вымарать наскоро усвоенный волапук.

В.С.: Во-первых, мы готовим школьников к олимпиадам в течение почти всего учебного года: с октября по апрель при кафедре работает Школа юного филолога. Школа приглашает на занятия учеников 7-11 классов, победителей и призёров школьного, окружного и городского этапов Всероссийских олимпиад по русскому языку и литературе, победителей и призёров Московской филологической олимпиады, а также всех желающих участвовать в этих и других филологических олимпиадах. Целями занятий мы заявляем повышение филологической культуры заинтересованных школьников, подготовку к олимпиадам и конкурсам, тренировку команд Всероссийских олимпиад по русскому языку и литературе. Занятия – что немаловажно, бесплатные – ведут преподаватели кафедры. Есть вопросы – пишите на почту школы: v.sovershenstve@gmail.com.

Во-вторых, в последние недели перед заключительным этапом организуется профильный семинар, своего рода сборы, собственно подготовка команды. Это напряжённый период: участники зани-

маются по 4-5 часов ежедневно. Хорошо бы такие семинары в дальнейшем проводить где-нибудь за городом, чтобы у учеников не было соблазна на что-нибудь отвлечься. Хотя требовать посещения этих занятий мы не можем: вполне возможно, что ученику хватает подготовки в родной школе.

Если говорить о трёх вещах, я бы назвал следующие: 1) не увлекаться теорией; неустанно заниматься практикой анализа текста. Весь необходимый инструментарий, в том числе терминологический, приложится. 2) Не забывать ставить перед детьми проблемные задачи на каждом занятии, задавать вопросы, требующие неоднозначного ответа; давать творческие задания. 3) Относиться к каждому пришедшему на занятия как к личности, оценивать каждую письменную работу не оценкой, развёрнутым комментарием.

– Как Вы оцениваете существующий олимпиадный формат? Если бы олимпиаду делали Вы, что бы поменяли?

М.С.: Формат приемлемый. Туры с анализом поэтического и прозаического текста должны оставаться обязательно. Возможно, к третьему туру надо подойти более творчески, но конкретных советов дать не могу: моя специализация – анализ текста. Два слова ещё насчёт текстов, которые выбираются для анализа: я не думаю, что школьников надо мучить всякой экзотикой из запасников истории литературы – пусть лучше имеют дело с произведениями хотя и не хрестоматийными, но, во всяком случае, высокого уровня.

В.С.: Мне нравится существующий олимпиадный формат. Возможно, нужно искать новые формы, но делать это постепенно. Например, вводить анализ эпизода или фрагмента текста, как это делается в системе Международного бакалавриата. Может быть, усилить творческую составляющую, только аккуратно, чтобы олимпиада не превратилась в поэтический турнир. Я бы изменил критерии: уточнил бы их, сделал бы более жёсткими в содержательной части. Прокрустово ложе критериев не так страш-

но, как кажется. В существующих критериях много неясностей. Это долгий разговор. Идеальный вариант – разработка критериев под данный конкретный текст. Но для этого жюри должно собраться загодя и в обстановке строгой секретности написать анализ текста или хотя бы обсудить его. Особенно это важно на муниципальном и региональном этапах, где и проверяющих, и участников много.

На заключительном этапе увидеть свою работу можно только подав апелляцию, да и то из рук члена жюри. Меж тем существует требование прозрачности (у нас время такое – прозрачные выборы, прозрачная олимпиада...). В этом году впервые региональный этап в Москве проводился так: все работы сканировались и были доступны участникам в их личном кабинете. Лучшие работы были выложены на сайт без имён участников. В перспективе – возможность увидеть свои проверенные работы в Интернете. Если это предложение будет принято, апелляций будет меньше, а эксперты будут проверять с ещё большей степенью ответственности.

– Задания для школьного и окружного тура в Москве готовили Вы. Чем Вы руководствовались при подборе текстов, какие задачи перед собой ставили?

В.С.: Задания школьного и окружного этапов составлены В.В. Сперантовым и М.В. Чубуковой при участии О.С. Мончаковской и С.А. Шаповал под общей редакцией зав.кафедрой филологического образования МИОО Л.В. Дудовой. Все задания можно посмотреть на нашем сайте <http://mosolymp.ru/shuf>. Мы старались подобрать тексты, пробуждающие мысль. Временами – анализ работ показал это – задания оказались слишком сложными. На школьном этапе (кстати, задания там были лишь рекомендованными, округа могли что-то менять или добавлять), помимо анализа текста, мы ввели несколько вопросов, связанных с историей и теорией литературы. Это было сделано в порядке эксперимента (финальный этап всегда включает в себя такие вопросы), и я знаю, что не все школы дали эту часть ученикам. Мы просили школы присылать лучшие работы; некоторые, очень немногие, прислали. На окружном этапе мы этот эксперимент повторили, я считаю, достаточно удачно. Всё же заданий было многовато, участники что-то не успели сделать. На школьном этапе мы рискнули дать относительно современные стихотворения Тимура Кибирова, Дмитрия Веденяпина, Елены Шварц, Александра Левина. Конечно, были выбраны неслучайные тексты.

– Какие недостатки литературного образования в Москве олимпиада выявляет? Какие успехи? С чем вы сталкиваетесь, работая с детьми из разных школ, пришедшими от разных учителей?

М.С.: Главная проблема – недостаточная культура письма, отсутствие необходимых риторических навыков; приятные исключения, впрочем, есть – порой же не просто приятные, а поразительные. Успехом считаю уже то, что каждый год приходят талантли-

вые, мыслящие, а главное – увлечённые школьники; это обогащает. Что касается разности школ и учительских влияний – что ж, это только способствует интересному диалогу.

В.С.: Очень часто мы видим работы, написанные способными, но недоученными школьниками. Возможно, учителю не хватает времени, чтобы заниматься с одарённым школьником индивидуально или в рамках факультатива. Вот здесь и приходят на помощь наши занятия. Наши преподаватели целенаправленно работают с форматом Всероссийской олимпиады, основываясь на многолетней практике.

Необходимость готовить детей к ГИА и ЕГЭ, малое количество часов, концентрическая программа по литературе – враги олимпиадного движения, нужно это признать.

Время диктует изменения в олимпиаде: раньше она была средством выявления одарённых детей для последующей работы с ними. Сейчас она, к сожалению, больше становится средством поощрения одарённых учащихся. Ещё одно изменение последних лет: олимпиада по литературе становится массовой. В региональном этапе этого года в Москве приняло участие почти 800 человек (для сравнения – по русскому языку 400). Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что отражает интерес к предмету, плохо – потому что по крайней мере 300 работ были ниже олимпиадного уровня. Не призёрского, а олимпиадного: это были, в лучшем случае, неплохие сочинения.

Для нашей общей слаженной работы нам необходимы команды экспертов в каждом округе и на городском этапе. Необходимо, чтобы это были ответственные люди, знающие, что их труд будет оценен по достоинству (в том числе материально: к стыду нашему, работа экспертов в округах – это работа на общественных началах), и понимающие, насколько важно их решение. В системе курсов повышения квалификации при кафедре филологического образования есть курс «Работа с одарёнными детьми и проверка олимпиадных работ». Возможно, такие команды будут созданы в том числе из слушателей этого курса, проявивших неподдельный интерес к нашей теме.

Во многом успех нашей команды связан с грамотной проверкой работ регионального этапа. Приношу искреннюю благодарность всем учителям, целую неделю самоотверженно читавшим работы.

А самое главное – у нас чудесная команда, быстро сдружившаяся и по-настоящему любящая литературу и филологию!

– Ваши впечатления от заключительного тура Всероссийской олимпиады?

В.С.: Организация олимпиады: с бытовой точки зрения всё прекрасно. ВШЭ показала класс. Очень трогательны подарки именинникам, замечательные концертные номера. Поинтереснее могла быть

культурная программа. Мастер-классы и лекции были весьма интересными; жаль, что перед учителями из регионов с лекциями не выступили авторы стандартов и учебников. Учебники по литературе в условиях нового федерального стандарта – весьма животрепещущая проблема для учителя-практика безотносительно олимпиады.

Задания олимпиады мне показались очень интересными, но неравноценными по сложности. С анализом прозы всё прекрасно, выбраны хорошие тексты (на регионе тексты были явно сложнее и выбраны менее удачно). Довольно трудно пришлось одиннадцатиклассникам: за отведённое время проанализировать в сравнении три стихотворения смог не каждый. «Угадайка» в третьем туре слишком трудна для девятиклассников, но легка для 10 и 11 клас-

сов. Очень любопытными были творческие задания. К сожалению, они столь же неравноценны: весьма удачное задание для 9 класса (придумать название и редакционную статью для гипотетического журнала первой трети XIX века) и задание для 10 класса (сочинить цензурное заключение) с трудом соотносятся с заданием для 11 класса (представление писателя к международной премии). Первые два текста – очевидная стилизация, последний – нет.

Участники отмечали доброжелательность членов жюри на апелляциях, что отрадно.

И ещё одно соображение: наверное, неслучайно примерно 60% участников заключительного этапа учились не по концентрической программе и 80% не сдавали ГИА по литературе. Выводы напрашиваются очевидные...

Особое мнение

Обсуждая результаты и перспективы литературных олимпиад, хочется выделить следующие вопросы: 1) к чему готовят ученика эти олимпиады; 2) как задания и тренинг соотносятся с психо-физиологическими возрастными особенностями учащихся; 3) каково будущее их победителей и участников.

Если ранее декларировалось, что олимпиада отбирает потенциальных филологов, то теперь зачастую она становится средством преодоления столбального порога ЕГЭ для нефилологов. Содержание и типология заданий сохранились практически без изменений с эпохи поиска филологов и не просто требуют от детей повышенной филологической компетенции, но и подменяют свойственный возрасту эмоционально-критический подход литературоведческим, целесообразность которого на данном этапе вызывает большие сомнения.

Мы натаскиваем детей для успешного выступления на заключительных этапах олимпиад, вырывая их этой узкоспециальной подготовкой из необходимого для этого возраста формирования межпредметных и метапредметных связей. Связь между историей, литературой и естественно-научными и географическими открытиями, вся сумма которых отразилась в картине мира автора произведения, не может раскодироваться учащимся, если все сведения, получаемые им в процессе подготовки, узко литературоведческие. Есть и ещё один аспект этой проблемы: не секрет, что блестящие в школе ученики, победители всевозможных олимпиад зачастую не показывают высоких результатов в вузе. Это связано с ощущением «всезнания», порождённым как раз такой узкоспециальной подготовкой.

Г.Л. ВИРИНА, М.А. ШИЛКОВА,
Санкт-Петербург

На мой взгляд, определённые изменения в заданиях олимпиады возможны и даже необходимы. Например, в 11-м классе для сопоставления можно предлагать школьникам лирические произведения, написанные в разные века. Работая с ними, школьники будут выяв-

лять интертекстуальные или типологические связи.

Можно только приветствовать задания третьего тура (историко-культурный комментарий, отнесение приведённого текста к определённому литературному направлению (течению) с последующей аргументацией, творческое задание, моделирующее ту или иную жизненную ситуацию (создание журнала, заключение цензора, представление писателя на международную литературную премию). Но и здесь требуется корректировка.

Необходимо отказаться от тестов. Неизбежно возражение: «Ведь они проверяют литературную эрудицию участника Олимпиады». Но эрудицию очень хорошо проверяет историко-культурный комментарий.

В третий тур необходимо включить задание, направленное на интерпретацию того или иного высказывания. Приведу примеры афоризмов, которые можно предложить для развёрнутой оценки: «Странно, что произведением искусства восхищаются за его сходство с оригиналом, который сам по себе никакого восхищения не вызывает» (Б.Паскаль), «Искусство – перелагатель неизречимого; поэтом глупостью кажется попытка вновь перелагать его словами» (И.В.Гёте), «Искусство живёт только страстями... Нужно почувствовать пожирающий огонь страстей, чтобы преуспевать в искусстве» (Ф.Стендаль), «Искусство – это одежда нации» (О.Бальзак).

И самое главное: нужно сохранить литературоведческую, филологическую основу Олимпиады. Иначе из сложившейся системы предметных олимпиад она может исчезнуть, так как потеряет связь с наукой. Подобный подход допускает корректировку заданий (некоторые изменения даже неизбежны), но она ни в коем случае не должна способствовать разрушению того позитивного, что было сделано в течение многих лет. Её назначение – улучшить условия для проявления филологических способностей школьника.

М.И. ШУТАН,
г. Нижний Новгород

ОТЗЫВЫ

участников олимпиады (из анкет)

Задания олимпиады в целом получили положительную оценку. Взрослые и дети писали, что задания были в хорошем смысле предсказуемыми, то есть именно теми, к которым готовились, и позволяли выявить потенциал ребенка. А если что-то было неожиданным, то скорее в приятную сторону: например, многие говорили, что не ждали от третьего тура заданий творческих.

Над чем подумать?

Взрослые: «Можно было просчитать задания»; «Задания для 9 класса сложные, угадайка включает отрывки из произведений 5-6 класса, уже подзабытых, а литературные места даже учителю трудны»; «Кажется, зря дали Одоевского с этим текстом...» (наиболее критикуемое задание – выбор прозы для 9 класса; очень положительно оценивается выбор рассказа Замятина «Мамай» – *здесь и далее в скобках примечания от редакции*); «На региональном этапе задания были сложнее» (суждение повторялось неоднократно); «Не всегда задания равноценны между собой по параллелям»; «Задания на атрибуцию текстов явно устарели»; «Для заданий первого тура стоит брать фрагменты изучаемых и неизученных произведений. Я работаю именно так. Оптимальной формой – 40 строк – эпизод, законченный отрывок»; «Есть интересные, творческие задания, но некоторые тексты, авторы предсказуемы, об этом стоит задуматься. Анализ текста в том виде, как это представлено на олимпиаде, завел в тупик. Игра с терминами. Нужно что-то менять!»; «Размыты критерии оценивания, что повышает субъективность при проверке»; «Не понравился второй тур. Тексты для сопоставления выбраны неудачно, слишком очевидны. Детям неинтересно было работать с ними»; «Жаль, что зажатые жёсткими критериями дети не поняли, что в работу нужно вложить свою душу, своё Я, а ограничились сухими выкладками».

Школьники: «Второй и третий тур не впечатлили, задания были средней сложности, не было полета фантазии и раскрытия личностного потенциала»; «Задания очень предсказуемы, темы были много раз проработаны»; «Порой я воспринимала задания не как творчество, а как механическую работу»; «Некоторые задания я видела впервые» (интересная оговорка); «Лирика выбила из колеи. Знакомые всем стихи на военную тему оказалось анализировать сложнее, чем О.Мандельштама или И.Бродского» (любопытное признание – детей на этапе подготовки «затачи-

вают» на работу со сложной лирикой, которую приходится «раскручивать», после неё стихи Л.Мартынова или М.Исаковского показались им неглубокими, не стоящими разговора...); «в целом радует тенденция к творческим, неординарным заданиям»; «в отличие от заданий прошлых лет не требовалось знания фактического материала, которое по преимуществу оказывается случайным (речь о 3-м туре). Также порадовало, что составители заданий 1 и 2 туров избавились от привычки давать 10 классам тексты про рожь, нищих и тяжёлую жизнь крестьян».

Мастер-классы получили высокую оценку: «Настоящие курсы повышения квалификации. Получили огромный заряд, захотелось активизироваться, появилось желание вновь работать и работать, несмотря на загон литературы в угол»; «Вот это замечательно, на олимпиаде я второй раз, и в этом году просто пиршество духа»; «Больше всего понравился Халфин. Душа пела на его лекции»; «Блестящий стиль проведения у Н.Беляевой, замечательная подача материала: доступно, чётко, логично, с юмором и содержательно». Во многих анкетах говорилось о том, что сам факт организации таких курсов для учителей (с последующей выдачей сертификатов о повышении квалификации) отраден, такую учебную задачу нужно сделать традицией.

Лекции понравились и взрослым, и детям. Вот характерные отзывы школьников: «Лекции затрагивали интересные и актуальные темы, а те, кто их вёл, были очень ярким для нас примером успешности и востребованности, состоявшегося и знающего человека. Глядя на них, слушая их, понимаешь, к чему стоит стремиться, как много ещё предстоит работать над собой»; «Невероятный полет души при общении с Аполлоном Давидсоном».

Среди **советов на будущее** есть такие: «Студенты Шукинского училища читали стихи, хорошо бы организовать мастер-класс по выразительному чтению для детей с разбором». «Неплохо было бы провести мастер-классы для детей по обучению написанию анализа текста»; «Разбор заданий проводить после каждого этапа»; «Объявлять результаты сразу после тура, не тянуть» (пожелание массовое!); «Организовать обмен опытом между приезжающими о том, как они готовят к олимпиадам».

И главное пожелание – так держать!

Елена Наумовна ПЕНСКАЯ,
д.ф.н., декан факультета филологии НИУ ВШЭ,
председатель жюри Всероссийской олимпиады по литературе

Механика олимпиады

Заметки на полях

Я впервые участвовала в проведении олимпиады такого масштаба, хотя в университетских работаю постоянно и некоторый опыт есть. На этот раз пришлось возглавить работу жюри, состоявшего из двух «команд» – «старой», стиль которой сложился за многие годы, и новой, сборной. В её состав вошли опытные учителя и университетские преподаватели. Мой взгляд – конечно, изнутри, но и немного извне, потому что приходилось нередко отрываться от непосредственной тяжёлой проверки, что входит в обязанности жюри, и наблюдать, связывать происходящее. Ворочаться приходилось и попеть. Как у Одоевского в литературной сказке «Городок в табакерке».

Эта сказка вспомнилась неслучайно в связи с заданием первого тура для 9 класса. Там тоже был Одоевский «Как опасно девушкам...». Сначала его все испугались, потом оказалось – ничего: справиться можно. Итак, моя роль была в том числе благодатная, наблюдательно-надзирательная. «Прочь ступай, не мешай! Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Всё ворочается, прицепляется. Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! – Какой это у вас надзиратель? – спросил Миша у колокольчиков. – А это господин Валик, – зазвенели они, – предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться». На меня жаловались по ходу дела, но мало. Мне казалось, недовольных будет больше, потому что новый состав жюри оказался в неудобных условиях – проверяющие получили задания не загодя, как это обычно бывает, а буквально в момент проверки. Приходилось, что называется, ориентироваться на ходу, «с колёс», думать, как проверять, что оценивать.

О критериях проверки говорить не буду. Неудобные это критерии. Размытые. Лучше б их совсем не было, а проверяющий ставил бы, исходя из откровенно субъективного отношения: «нравится/не нравится». Так бы было честнее, потому что всё равно получались очень индивидуальные оценки. Одним нравится арбуз, как говорил Салтыков-Щедрин, а другим свиной хрящик. Нет, конечно, такого полярного расхождения, как правило, не было, оценки всегда старались как-то выровнять или, по крайней мере, пересмотреть, обсудить тщательно лишней раз. Если в работе обнаруживалась хоть какая-то зацепка, живое рассуждение, проблеск мысли, всегда решали в пользу автора. Но всё же...

Сама проверка тоже оказалась громоздкой и неудобной. Чего стоило одно долгое чтение вслух

работ, что поначалу вызвало полемику между старым и новым составом жюри. Потом новичкам пришлось смириться, удовлетворившись единственной – двойной экспертизой олимпиадных сочинений. Небольшие, локальные усовершенствования в целом, конечно, на этот раз не повлияли на общее проведение Олимпиады. Разве что атмосфера, дух, условия стали другими. На этом динамичном фоне прежняя система, может быть, ещё острее выглядела архаичной.

Для меня, пожалуй, главный опыт был вот в чём:

1. По ходу дела сфокусировались и предельно обострились важные для всего литературного образования вопросы. Ещё резче, чем раньше, как мне показалось, обозначилась невозможность отсрочки поисков другой практики. Теперь точно откладывать нельзя. Форматы и критерии, система настроек – вещь тонкая. Правы те, кто считает, что олимпиада – лишь часть гуманитарного образования в школе. И придумывать её отдельный дизайн, наверное, бессмысленно, а надо связать его непременно с тем образом преподавания литературы, который мы хотим видеть. Но выстроить цепочку вопросов – уже половина дела. И это удалось.

2. Несмотря на двойственность положения (другой стиль, немного расширилась команда, но суть осталась прежней), все дни – стойкое ощущение праздника. Причём этот праздник – не только в декорациях – шарах, сувенирах, анимации, конкурсах, просто хорошем настроении – каникулы! Праздник не в последнюю очередь в том, что эта мартовская неделя в Химках подарила участникам уникальное время: три тура – 13 часов тишины. 13 часов сосредоточенного чтения чужих хороших текстов, обду-

мывания своих. 13 часов без телефонов и Интернета, без прочего шума и привычных, пусть и полезных, развлечений. По нашим меркам – невозможная, nepозволительная роскошь. Для взрослых и детей – это ещё и редкостный праздник общения, друг с другом и с теми, кто вёл мастер-классы и читал лекции, полезные для многих. Ну а для меня – абсолютно свежее чувство надёжного тыла, обеспеченного друзьями-единомышленниками, школьными учителями, впервые вошедшими в жюри. Их присутствие во многом сделало всю процедуру осмысленной, а подготовку к разбору заданий, которую проводили в последнюю ночь, вымотавшись предельно, превратило в захватывающе живой, глубокий анализ стихов и прозы. Проведённый в самом финале праздника, разбор стал своего рода кульминацией, коллективным мастер-классом, хорошо срежиссированным спектаклем. Но реакция публики, то бишь школьников и учителей, напряжённых слушателей, замерших в ожидании конкретных рекомендаций, сразу же выявляла сбои нашего разборочного «спектакля»: как только выступающие увлекались и благобно переходили к общим рассуждениям о «высоком и прекрасном», в зале начинался глухой ропот нетерпения – как раз в это время за пределами аудитории оргкомитет развешивал списки. Таким образом, подготовленный членами жюри разбор заданий проходил ещё и свою проверку «на прочность», проверялся особыми нервными обстоятельствами завершающих эпизодов программы.

3. Удалось разглядеть некоторые черты портрета сегодняшнего олимпийца. Штрихи разрозненные, но вполне узнаваемые. Школьник, прошедший городской, региональный этап, добравшийся до всероссийского... Кто он? Какой? Хочется верить, что он не чужд чтению, любознателен, натренирован – «спортивен» и «мускулист». И вроде бы свободен. Он приучен ориентироваться в стандартных и знакомых ситуациях, но вот в нестандартных – не очень. У него есть – несмотря на юный возраст – стереотипы реакций и привычные рефлексy, которые иногда выручают, иногда – нет. Он их умеет применять так, как учили, в нужное время, нужном месте. Он знает ряд необходимых команд, правил, знает те или иные способы поведения. Вот, например, спорят: должна ли литература как дисциплина воспитывать личность, да и вообще воспитывать ум, сердце, чувства? Ведь школьная литература, пожалуй, один из немногих предметов, обращённых на эти самые тонкие материи... Как с этими тонкими материями обращаться с помощью литературы, чтобы не вызвать отторжения и не добиться обратного – чёрствости и оскомины? Тут отдельный разговор. Не знаю, есть ли универсальные решения. А если братья за дело неловко, то получится карикатура или условный рефлекс под названием: «прояви личность». Детям, очевидно, объяс-

няют: чтобы произвести хорошее впечатление на проверяющих, надо «подпустить своё, особенное, неповторимое». И все как один (удивительно – ведь разные, непохожие, а команду «прояви личность» выполняют одинаково) сообщают о том, «как провели лето» – то есть рассказывают о своих настроениях, привычках, случаях, обычно не имеющих отношения к литературному заданию, зато очень «личностных», эмоциональных; либо высказывают свое «общее» мнение по тому или другому поводу, никак не подкреплённое текстом. Набор проявлений «личности» в сочинении довольно ограничен всё теми же стереотипами. И очень-очень немногим удаётся о себе рассказать интересно, талантливо. Так что эта внешняя раскованность на поверку оказывается свободой мнимой. Как говорил Достоевский, «широк русский человек, широк, я бы его сузил». Так и школьник...

4. Однако сквозь эти случайные и неслучайные черты удалось разглядеть в целом хороший материал, с которым было бы интересно работать дальше, следить за его постолимпийской судьбой. И общий урожай не так уж плох: 16 победителей, 71 призер. Москва и Петербург затеряны среди самых дальних областей, округов. 78 регионов. География! В этом – главная победа Олимпиады-2012.

5. И как бы ни сложилась судьба олимпийского движения, сколь ни очевидна в нём чистота игры и прозрачность правил, болезненные драматические коллизии корысти и бескорыстия, растущих ставок, – без него школьное образование лишено состязательности, а потому скучнее. А действовать со всем этим нестройным олимпийским хозяйством придётся осторожно. Разбирать и разбираться, чтобы понять, «отчего музыка играет» и как ломаются пружинки. Как в сказке «Городок в табакерке». Ведь у всероссийской по литературе своя механика. И её, похоже, надо заново настраивать.

▲ Л.В. Тодоров и Е.Н. Пенская:
передача полномочий происходит с улыбкой

Александр ЛИФШИЦ,
Москва

Двенадцатые Гоголевские чтения: как это было

Наукообразие, псевдотеоретизирование, безудержный полет фантазии интерпретаторов текста, абсурд разной степени тяжести... Со всем этим можно столкнуться не только на олимпиаде школьников, но и на взрослой научной конференции. Эти болезни передаются по воздуху, или они генетически заложены в самой природе филологии? Есть ли от них вакцины и сыворотки? Со всеми этими вопросами с пристрастием разбирался один из наших постоянных авторов доцент факультета филологии НИУ ВШЭ Александр Лифшиц.

Пишу по горячим следам.

30 марта в Москве на Никитском бульваре, в доме, где умер Гоголь, открылись 12-е Гоголевские чтения, приуроченные ко дню рождения писателя и собравшие исследователей из городов России и Украины, к которым, как Христиан Иванович Гибнер к уездным чиновникам, присоединился профессор из университета города Киото (Япония). Среди собравшихся, как и полагалось, показались какие-то «Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и слышно не было никогда», и даже одна хорошенькая головка. Правда, очень хорошенькая.

В два дня уместилось большое количество докладов. Чтобы успеть, два заседания шли параллельно, поэтому услышать всех было физически невозможно. На доклад отводилось по 15 минут, времени на обсуждение выступлений не предполагалось, но и такой жёсткий регламент не позволил бы выступить всем заявленным участникам, ежели б все они только решились приехать.

Гости съезжались, их встречал струнный квартет, хозяйка дома изображала радушие, хотя и несколько в профиль, и оказывалась сразу везде. Потом начались приличествующие случаю речи, смысл которых был благопристойным, как наружность Чичикова, и столь же содержательным.

Гоголь был бы удовлетворён точностью своего описания светских событий средней руки.

Приятная во всех отношениях гостья из Полтавы вместо речи спела дуэтом с дочкой украинскую песню, для чего на девочку был взгромождён пышный веночек из искусственных цветов. В ответ с российской стороны прозвучало соло на балалайке, исполненное с чувством специально для этого заготовленным лауреатом каких-то конкурсов.

▲ М.Шагал. Иллюстрация к «Мёртвым душам»

Так предопределён был один из нервов конференции: чей же писатель Гоголь?

Именно при обсуждении этой темы даже киевляне вдруг начинали демонстрировать знание украинского языка, а особо упорные с обеих сторон не хотели соглашаться с примирительной формулировкой, утверждавшей, что Гоголь – русский писатель, но украинский гений. Впрочем, численное превосходство было за нами, а неразрешённый спор отложили, вероятно, до следующих чтений.

А на этих чтениях первым вышел на трибуну знаменитый исследователь Гоголя Ю.В. Манн, представивший свой доклад «Смех против страха». Разумеется, речь шла о произведениях Николая Васильевича. Самой, однако, заметной реакцией на выступление Юрия Владимировича был вопрос некоего пожилого джентльмена (а вовсе не тихого японского профессора, как вы могли бы подумать) о том, что думает докладчик о градациях страха, существующих в японской культуре.

Так обнаружилась вторая особенность конференции: многие присутствующие вовсе не пытались вникнуть в то, что говорят их коллеги, и вопросы задавали, чтобы услышали их самих, а вовсе не для того, чтобы получить ответ.

Кстати, нельзя с прискорбием не отметить, что в этой особенности чтений даже при большом желании нельзя усмотреть ничего оригинального.

Далее конференция потекла своим чередом. Много было сообщено любопытных наблюдений, не были забыты разные знакомые Гоголя, не были обойдены вниманием: украинская кухня, разнообразные мотивы, встреченные в повестях Николая Васильевича, и фольклорные элементы, оказавшиеся там же, а также много чего ещё.